

**ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПОЛЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.
КЕЙС: РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН***

Л.В. Сагитова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
liliya_sagitova@mail.ru*

В статье изложены результаты полевого этносоциологического исследования, проведенного в г. Казани и селах Республики Татарстан в 2017–2018 гг. в ходе межрегионального исследования процесса идентификации татар в рамках Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа». Этнические стереотипы составили один из значимых блоков исследовательской программы в связи с их важной ролью в процессе этнической идентификации народа. Татары, будучи мобильной этнической группой, широко расселены по всей территории Российской Федерации и соседствуют с многочисленными народами страны. При этом русские, являясь доминирующей группой государства, связаны с татарами политической историей и тесными связями повседневной жизни. В условиях длительного тесного контакта и культурного взаимодействия названных этнических групп формировались представления и образы народов о себе и о народо-соседе: автостереотипы и гетеростереотипы. Этнические стереотипы, несмотря на их устойчивость, меняются со временем и во многом зависят: а) от политической конъюнктуры, которая закрепляет за этническими группами либо систему «господства-подчинения», либо систему равновесных статусов; б) от реализации их интересов, формирующих климат сосуществования соседствующих народов. Содержание этнических стереотипов, преобладание позитивных или негативных коннотаций, сопоставимость или несопоставимость представлений народов о себе и народо-соседе могут служить чувствительным индикатором межэтнического климата в поликультурном сообществе Республики Татарстан.

Ключевые слова: этническая идентичность, процесс идентификации, этнические стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, межэтнические отношения.

Для цитирования: Сагитова Л.В. Этнические стереотипы в поле межкультурного взаимодействия. Кейс: Республика Татарстан // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 2. С. 275–288. DOI: 10.22378/he.2018-3-2.275-288

* Работа, по результатам которой написана статья, выполнена в рамках Государственной программы РТ «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 гг.)» (1.20. Проведение серии этносоциологических исследований, направленных на изучение идентичности татарского народа в регионах Российской Федерации (Республика Башкортостан, Республика Крым, Тюменская область)).

Взаимодействие этнических групп в поликультурных сообществах зависит от множества факторов: истории сосуществования народов на одной территории; политической и экономической конъюнктуры, этнокультурной политики государства и региональных элит, а также образов «мы – они», находящихся свое выражение в этнических стереотипах. Этнические стереотипы, являясь одним из составляющих процесса идентификации, выполняют важную функцию фиксации и консолидации этнической группы, формируют позитивную этнокультурную идентичность. Исследуя действие этнических стереотипов, этнопсихолог Г.У. Солдатова раскрыла их инструментальную функцию: отметила ключевую роль стереотипов в сохранении группы как этнокультурной единицы, а также их роль в динамике культурных границ между контактирующими этническими группами. Согласно ее мнению, «этнические стереотипы – это когнитивные инструменты поддержания оптимальной проницаемости этнических границ. Оптимальность состоит в том, что плотность этнических границ, с одной стороны, должна быть не меньше, чем это требуется для сохранения группы как самостоятельного и целостного этнокультурного образования, с другой – не больше, чем это необходимо для непрекращающегося взаимодействия между разными народами» [6, с.182].

Несмотря на кажущуюся устойчивость, статичность стереотипов, они имеют свойство меняться со временем в зависимости от внешней конъюнктуры, оказывающей влияние на социальный и политический статус этнических групп. Так Г.У. Солдатова, на примере конфликтных межэтнических ситуаций в национальных республиках РФ 1990-х гг. показала, что функция этнических стереотипов по защите позитивной этнической идентичности гипертрофируется в условиях роста межэтнической напряженности. Стереотипы трансформируются и делают этнические границы между народами более плотными [4, с. 80–81]. Этот вывод соотносится с концепцией Ф. Барта [9] сделавшего акцент на значении социальной организации и социального взаимодействия в процессе группового этнического отождествления. Отрицая «объективно» существующие культурные различия, ученый утверждал, что определителем для членства в группе становятся социально-задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания. Говоря о значимости и влиятельности социального контекста, Барт подчеркивал, что этнические категории, как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые [1, с. 15–17].

Как известно, этнические категории могут действовать на уровне межличностного взаимодействия (сфера повседневности) и на идеологическом уровне. Эффективным инструментом, с помощью которого актуализируются, закрепляются и обретают значимость этнические категории, становится оппозиция «мы – они». Универсальность этого психологического механизма – в его действии на всех уровнях социальной организа-

ции: самоидентификация на уровне личности («я» и «они»); на групповом уровне он устанавливает отличительность группы от других; и он же действует в формировании установок массового сознания в качестве инструмента идеологии. Образное выражение оппозиция «мы-они» получает в этнических стереотипах.

Изначально понятие «стереотип» связывалось его создателем У. Липпманом [10] с процессом конструирования образов в массовом сознании. Автор акцентировал такие свойства стереотипа как устойчивость, избирательность, неточность в восприятии явлений, что, по его мнению, порождало упрощенное и неадекватное восприятие действительности. При этом Липпман отмечал их психологическую значимость для индивида или группы: «Система стереотипов не является нейтральной. (...) Это нечто большее. Стереотипы служат гарантией нашего самоуважения; проецируют во внешний мир осознание нами собственной значимости; защищают наше положение в обществе и наши права. Следовательно, стереотипы наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются. Они – бастион нашей традиции, и, укрывшись за стенами этого бастиона, мы можем чувствовать себя в безопасности [3, с. 108].

Позже, в психологии было разработано понятие социального стереотипа, согласно которому – это крайне устойчивый и эмоционально окрашенный образ какого-либо объекта, в частности социальной группы; явления или процесса. Основное свойство стереотипа состоит в том, что он легко переносится на всех членов «мы» или «они» – группы [7]. Автор теории социальной идентичности Г. Теджфел отводил социальным стереотипам важную роль в межгрупповых отношениях, полагая, что они выполняют три функции: оправдательную, объяснительную (легитимация интересов или поведения собственной группы в условиях межэтнического взаимодействия) и функцию социальной дифференциации [11]. В процессе индивидуальной и групповой идентификации этнические стереотипы служат экономии восприятия в этноконтактных ситуациях и упрощению межэтнической дифференциации, что, по утверждению этнопсихолога Н.М. Лебедевой, является единым социально-психическим механизмом, способствующим сохранению целостности и специфичности этнической общности в условиях тесного и активного взаимодействия с иной этнокультурной средой [2, с. 136].

Г. Теджфел выделял набор функций этнического стереотипа как социально-психологического феномена на двух уровнях: индивидуальном и социальном. К первому из них относятся: а) когнитивная функция, отвечающая за схематизацию и упрощение восприятия «Другого»; б) ценностно-защитная, способствующая поддержанию положительных образов «Я» или «Мы». На социальном уровне реализуются: а) идеологизирующая функция, отвечающая за легитимацию поведения группы на идеологическом уровне; б) идентифицирующая функция, ответственная за создание и сохранение положительного группового «Мы-образа» [8, с. 125].

Исследуя действие этих функций на практике, в ситуациях межэтнических конфликтов 1990-х на постсоветском пространстве, Г.У. Солдатова сделала вывод о том, что в условиях роста межэтнической напряженности функция этнических стереотипов по защите позитивной этнической идентичности гипертрофируется, что влияет на увеличение плотности этнических границ [6, с. 182]. Исследователи отмечают, что объективный характер взаимоотношений между этническими группами придает ту или иную окраску и направленность стереотипам: при ухудшении межнациональных отношений этнические стереотипы приобретают негативный аффективный заряд, отмечается рост неадекватности и упрощенности их когнитивного содержания, что, в свою очередь, способствует воплощению установок в реальное поведение [7]. По заключению Г.У. Солдатовой, формирование этнической идентичности по типу «нормы» предполагает соотношение в структуре идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам [5, с. 284.]

При рассмотрении этнического стереотипа в рамках оппозиции «мы – они», мы исходим из двух положений. Первое связано с наличием у индивида стремления к психологической общности с группой. Стремление принадлежать к группе основано на поисках социальной защиты, устойчивости, возможности осуществления определенных видов деятельности; удовлетворении потребностей в социальном, экономическом и психологическом объединении. Это стремление известно в психологии как аффилиативный мотив [6, с. 29]. Второе – состоит в том, что «впечатления о мире организуются в связные интерпретации – идеи, установки, стереотипы, ожидания, которые выступают как регуляторы социального поведения» [6, с. 45]. Эта идея явилась основой для теории социальной идентичности Г. Теджфела и его коллег, разработанной в рамках когнитивистского направления. Как отмечает Г.У. Солдатова, проведенные его группой экспериментальные исследования показали, что позитивный уклон в сторону собственной группы – это естественный социально-психологический механизм, что групповая принадлежность уже сама по себе основание для построения системы предпочтений. [6, с. 46]. Таким образом, этнические стереотипы являются неотъемлемой составляющей процесса идентификации этнической группы, как на групповом, так и на личностном уровнях.

В предлагаемой вниманию статье представлены результаты полевого исследования¹, проведенного в 2017–2018 гг. в рамках изучения процесса идентификации татар и русских в Татарстане. В связи с тем, что неотъемлемой составляющей процесса этнической идентификации является сте-

¹ Исследование осуществлялось сотрудниками отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Г.Ф. Габдрахманова (рук.), Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова) с использованием качественных методов (глубинных полуструктурированных интервью в семьях татар и русских). Проведено 43 групповых интервью в Казани и селах Республики Татарстан.

реотипизация, как своей, так и соседней этнической группы, один из блоков исследования был посвящен изучению этнических стереотипов. В интервью содержался блок вопросов, призванных выявить представления этнических групп о себе (автостереотипы) и о народе-соседе (гетеростереотипы). Это позволяет сделать выводы, как о степени внутренней консолидации соседствующих народов, так и о культурной дистанции, которая, в свою очередь является индикатором потенциала интеграции этнических групп в единое региональное сообщество.

Проведенное исследование и анализ интервью показал, что представления этнических групп друг о друге носят сопоставительный характер и зачастую как татары, так и русские не выделяли каких-то особенных черт: значимая часть респондентов говорила о том, что нет плохих или хороших народов, и все зависит от воспитания родителей и среды. Тем не менее, определенная часть респондентов высказалась о характерных чертах татар и русских. Представим взгляды каждой из групп.

Стереотипы татар. *Автостереотипы татар* в целом носят позитивный характер. Среди них были выделены такие качества, как чистоплотность, гостеприимство, семейственность, воспитанность детей, уважительное отношение к старшим, сплоченность, взаимоподдержка (особенно земляческая), терпеливость, умение ладить с окружающими, находить выход из любой ситуации, умение работать, трудолюбие, состязательность. При этом стремление сделать лучше, чем кто-то рядом сделал, стимулируется в представлении информантов-татар ориентацией на общественное мнение («Что скажут окружающие?»): *«Татары любят работать, много работают и работают для того, чтобы сделать чего-то. Вот показатель: надо ворота поставить обязательно, потому что люди посмотрят, надо их покрасить обязательно. Почему? Потому что люди посмотрят. Не из-за того, что тебе это нужно, практично: люди посмотрят, вот такие татары»* (№6, тат., муж., 42 г., Казань).

Общими представлениями для татар сельчан и горожан Казани и сел РТ стали положительные автостереотипы: роль семейственности в «сплоченности» татар; трудолюбие, целеустремленность, уважение к старшим, приверженность корням и традициям; щедрость, стремление к достатку, богатству, обустроенности, красоте; умение радоваться жизни и общению друг с другом.

В отличие от горожан, татары-сельчане чаще выделяли характеристики татарской девушки, женщины. При этом женщины характеризовались как работающие, домовитые, скромные, непритязательные, мало уделяющие внимание себе в сравнении с русскими женщинами: *«Девушки, наверное, скромнее, мне кажется. Вот даже в плане семьи... татарские семьи, мне кажется, крепче: меньше разводов у них, девушки что ли покорные, наверно, терпят»* (№1, тат., жен., 31 г., село РТ); *«Русские женщины больше за собой ухаживают, хорошо одеваются»* (№4, тат., муж., 60 л., село РТ); *«Русские скандинавской ходьбой занимаются, а татарки будут вместо*

этого работать. Это даже по больнице видно: там татар больше» (№4, тат., жен., 60 л., село РТ).

Наиболее распространенным автостереотипом среди татар-сельчан стало представление о трудолюбии татар. Как правило, стереотипы сельчан основаны на личном опыте общения между этногруппами, поэтому все стереотипы давались ими в сопоставлении: *«Татары очень трудолюбивый, работающий народ. (...) татарин – он сначала все по дому сделает... Это закончил, потом: постой-ка, вот это еще сделаю – и по новой начинает что-то делать»* (№2, тат., жен., 31 г., село РТ); *«Татарин до смерти строить все будет, деньги больше на дом тратит. Русские – больше погулять любят, дорогие машины любят»* (№3, тат., муж., 43 г., село РТ); *«Я думаю, мужчины – работаги: работать и приносить все домой, в семью. Я по себе сужу: я в семью, домой только спать, наверно, захожу. Я практически всегда в работе. В сарае там, в гараже, всегда в работе... я думаю, остальные такие же»* (№1, тат., муж., 31 г., село РТ).

Среди положительных автостереотипов информанты выделяли терпеливость, воспитанность, гостеприимство: *«Татары все-таки такой народ, умные что ли, воспитанные... такая нация, более терпеливый народ, они по отношению друг другу не жестокий народ»* (№3, тат., муж., 43 г., село РТ); *«...татары гостеприимный народ. Вот ведь они и праздники вместе проводят красиво...»* (№3, тат., жен., 42 г., село РТ). Важно отметить, что позитивные автостереотипы, судя по нарративам, явились результатом наблюдений и были сформированы в течение жизни информантов.

Негативные автостереотипы основаны, как на мифах, услышанных от окружающих: *«У татар есть одна нехорошая сторона, все уже знают об этом – завистливость, как говорят, татары завистливый народ»* (№2, тат., муж., 43 г., село РТ), так и на личном опыте. Среди них такие характеристики, как негативная конкуренция, нежелание поддержать друг друга, трусливость, малодушие, беспардонность. Примечательно, что часть негативных автостереотипов не носит отрицательной коннотации. Например, хитрость больше понимается как сметливость: *«Во-первых, хитрые, потому что говорят же даже, поговорка есть такая: еврей родился – русский заплакал, татарин родился – оба заплакали. Хитрость у татарина есть, ну и сплоченность есть у них...»* (№2, тат., муж., 43 г., село РТ). О чувстве зависти, например, информант из Казани высказался так: *«... у татар есть чувство зависти, даже поговорка есть: в деревне, когда дом строишь, у тебя всегда должно быть на бревно выше, чем дом соседа. То есть, это говорит о том, что какая-то определенная зависть есть... может это не самая плохая черта, может она как раз-то и является подталкиванием за развитие: мотивировать, рост какой-то, у татар она есть»* (№1, тат., муж., 42 г., Казань). Таким образом, такие свойства татар, выделяемые информантами, как «злость» – не в качестве злобы и ненависти, а настырности; «хитрость» – в качестве сметливости, ума; «жадность» – в смысле прижимистости, рачительности в хозяйстве; «зависть» – в смысле соревновательности – ориентированы в представлениях

информантов на достижительность, сконцентрированность на конечном результате.

В исследовании противоречивую интерпретацию получил стереотип о сплоченности татар. С одной стороны, звучали характеристики, акцентирующие это качество: *«Естественно, даже в армии татары держатся друг за друга»* (№3, тат., муж., 17 л., село РТ). С другой стороны, отмечалось, что, наоборот, среди татар наблюдается конкурентность и завистливость. При этом информанты обращались как к источникам по истории татар: *«...об этом много статей есть... у татар это... беда татар. Если смотреть историю, когда Казань завоевывали. Из-за чего Казань взяли? Ее ведь долгое время не могли завоевать... Иван Грозный пришел с 150 тыс. войском, из них 80 тысяч были татары на его стороне»* (№6, тат., муж., 50 л., село РТ); так и к своему опыту: *«Даже на сегодняшний день в каком-то предприятии может быть татарин, который держит традиционный ислам. С ним от него больше проблем для мусульман, чем русский руководитель, всегда тебя на намаз отпустит, нет проблем...»* (№6, тат., муж., 50 л., село РТ).

В этом аспекте проявила себя оппозиция «село-город», когда информанты, наделяли характеристикой сплоченности татар, проживающих на селе, и говорили о негативном влиянии городской жизни на консолидацию татар: *«В городе может быть по-другому, в городе люди сидят взаперти в своих квартирах. Этот определенный круг только живет, общается, а так в деревне татары больше друг другу помогают»* (№3, тат., муж., 43 г., село РТ); *«Деревенский народ простой. К ним зайдешь, тебя не выгонят. В городе по-другому. Хоть татары, хоть русские – различия нет»* (№4, тат., муж., 60 л., село РТ).

Сельчане также связывают мораль и традиционные устои татар с деревней: *«На селе все-таки меньше распущенности, чем в городе. В деревне там бабушки-дедушки – у них с прежних времен порядочность, можно верить»* (№4, тат., муж., 60 л., село РТ).

Гетеростереотипы татар о русских имеют в целом умеренный характер, без сильного эмоционального наполнения. В беседе информанты-горожане в большей степени воспроизводили распространенные этнические стереотипы о русских: *«...такой народный русский дух – он так прославлен по всему миру. Я не думаю, что у англичан есть такая сплоченность, как есть у нас. Я считаю, за счет этого мы и всякие мировые войны выиграли»* (№1, тат., муж., 19 л., Казань). Важно при этом отметить стереотипы, подтвержденные личным опытом информантов. Среди них такие качества, как добродушие, простота, открытость, гостеприимство, сила русского духа, способность прийти на помощь, культура ухода за могилами родственников. Из положительных гетеростереотипов звучали такие, как дружелюбие, открытость, готовность прийти на помощь: *«Русские – они более с открытой душой люди. Добродушные: они никогда не смеются над человеком. Вот ты если русского языка не знаешь, он никогда не будет смеяться и говорить: «Вот этот человек не умеет говорить по-*

русски». А татарин будет обязательно смеяться» (№2, тат., жен., 31 г., село РТ). Среди сельчан практически не звучали гетеростереотипы о «пьянстве русских».

Если говорить о представлениях татар, то большинство из них говорило о приоритете воспитания, атмосферы в семье, нежели о врожденных, национальных качествах, свойственных народу. Отвечая на вопросы о различиях между этническими группами, информанты, в первую очередь, заявляли о том, что в Казани, или в их селе проживает много национальностей, все они живут дружно, а черты характера зависят от самого человека, от воспитания в семье, а не от национальности: *«Я никакой не вижу разницы. Бывают, например, татарская семья – грязнуля, рядом русская семья – грязнуля, бывает татарская семья чистоплотная и русская чистоплотная... Бывают татары хитрые, русские хитрые»* (№1, тат., жен., 31 г., село РТ). При этом подчеркивалось влияние групп друг на друга: *«Сейчас и среди татар много обрусевших, да и русские от татар что-то перенимают. Сейчас как-то все сровнялись»* (№3, тат., жен., 42 г., село РТ).

Соответственно, чаще всего информанты, говоря об отличиях этногрупп, упоминали празднично-обрядовую культуру: *«Праздниками, например, обычаями больше отличаются»* (№3, тат., муж., 43 г., село РТ); *«Особо так не отличаются татары, наверное, больше традиций своих»* (№4, тат., муж., 32 г., село РТ).

Татарами-сельчанами упоминались межнациональные браки с симбиозом традиций: *«У нас нет такого отличия, потому что у нас все смешанные семьи. Вот недавно мы сидели думали как раз – какие у нас семьи татарские, кто русский? Да у нас в основном все семьи смешанные»* (№1, тат., жен., 31 г., село РТ); *«У младшей дочери муж русский. А он поет все время: «Я татарин, я татарин». Самое главное – какой человек. Он нас любит, мы его любим. Папа заставил его никак сделать. Они с родственниками пришли. Зарегистрировались, свадьбу делали. Но в церкви не венчались»* (№13, тат., жен., 65 л., село РТ); *«Тетка у них, и татарская, и христианская. У них заходишь – в дверях висит шамаиль наш, оберег наш татарский. А в углу у них, в одном уголке икона стоит Божьей Матери. Она ему говорит, что у него двойной оберег»* (№13, тат., жен., 39 л., село РТ).

Среди негативных гетеростереотипов чаще всего горожане отмечали «лень», «неумение работать». Особенно часто в качестве свидетельства сравнивались татарские и русские деревни: *«Бываешь в русских деревнях, у них унылая картина, у них более серое все. В татарских деревнях все более яркое, ухоженное»* (№7, тат., муж., 29 л., Казань). Из негативных гетеростереотипов наиболее часто упоминался стереотип-оппозиция такому автостереотипу, как рачительность, трудолюбие, домовитость татар. И вновь высказываемые представления основывались на собственных наблюдениях, опыте общения, при этом в сравнительном ключе подчеркивались приоритеты для татар и для русских: *«Вот русские... Я сколько русских деревень проезжал, в Чувашию ездил, через Вятские Поляны, через Киров проезжаешь – вроде русские деревни. Сам ты видишь, что это*

русские деревни, они немножко темноватые всегда. Дома не крашенные, но обязательно какая-нибудь хорошая иномарка стоит перед воротами. Хоть дом и крыша кривая будет, но хорошая иномарка будет стоять. И он в красивой, спортивной одежде всегда будет на улице стоять или курить сигареты или семечки... А у нас татарин сперва хороший, добротный дом отстроит, а потом только уже все остальное» (№2, тат., муж., 43 г., село РТ).

Стереотипы русских. Среди информантов-русских, как горожан, так и сельчан, набор *положительных автостереотипов* содержит такие характеристики, как доброта, простота, искренность, отзывчивость, открытость, гостеприимство, общительность, сила духа: «*Русские добрые*» (№5, рус., муж., 36 л., село РТ); «*Мы попроще, а они (татары – авт.) – похитрее, старательные.*» (№5, рус., жен., 32 г., село РТ); «*Русские открытые душой*» (№8, рус., жен., 22 г., село РТ); «*Мы сильные духом. Нас не сломить! Во всем! Нас жизнь кидала в тяготы. Например, муж лежал полгода с переломанным позвоночником, не сломился дух*» (№5, рус., жен., 32 г., село РТ).

Часть автостереотипов среди русских сельчан сформировалась из личного опыта общения с татарами. Так один из информантов, подчеркивая разобщенность русских в противовес сплоченности татар, отметил значимость сохранения у них родственных связей: «*Нет, русские не сплоченные. Татары – они родственники за родственников. У нас даже родственники разъединяются. Нет такого единства. Татары более дружный народ*» (№5, рус., муж., 36 л., село РТ). При этом часть информантов отмечала также взаимовыручку и родственные сети среди русских: «*Русские тоже сплоченные, родственники. Помогают... У бабушки дом сгорел: все ведь строили, помогли под руководством дедушки*» (№10, рус., жен., 28 л., село РТ).

Набор *негативных автостереотипов* среди русских информантов невелик: лишь некоторые отмечали инфантилизм, склонность к лени, разобщенность: «*Какая-то пассивность, безалаберность, такое состояние, что «да будь что будет». Это плохо на самом деле*» (№4, жен., рус., 53 г., Казань); «*Русские – они пока не пнешь – не полетит. Пока не прижало, никто не пошевелится*» (№5, рус., жен., 32 г., село РТ); «*Все равно какая-то разобщенность у русских есть. Если у них там (у татар – авт.) человека обижают, у них вся деревня сбежится его защищать. Из других приедут. А у нас – все равно, это останется на уровне семьи, наверное. Ну и друзей может хоть немного, относительно. У русских ведь не бывает столько друзей, как у них*» (№8, рус., муж., 46 л., село РТ). Примечательно, что стереотип о «пьянстве» русских среди русских сельчан не получил негативной коннотации, а звучал как составная часть гостеприимства и веселья: «*Нормальные. Любители выпить*» (№9, рус., муж., 56 л., село РТ); «*Алкаши... Веселые*» (№7, рус., муж., 23 г., село РТ); «*Гостеприимные. Веселые. Сам напьется и другого напоит*» (№9, рус., жен., 52 г., село РТ).

Гетеростереотипы о татарах также в большей степени основаны на личных наблюдениях и опыте общения информантов. Так русские инфор-

манты отмечали среди положительных качеств: гостеприимство, музыкальность, мобильность, деловитость, умение быстро найти с любым человеком общий язык, сплоченность, тягу к порядку, обустроенности, хозяйственность, семейственность, почитание старших: *«Девушки-татарки – это состояние прийти, помочь, защитить, обнять, поцеловать и побежать дальше по своим делам. Это проявляется. Это проявляется вообще на уровне города. То же самое и мужчины – очень активные, очень деловые, они все время в хорошем состоянии»* (№4, жен., рус., 25 л., Казань).

Так же как и татары, русские отмечали различия в празднично-обрядовой культуре: *«Все люди. У каждого традиции только свои»* (№12, рус., муж., 54 г., село РТ); *«... русские татары – это свои. ... Даже если казанские приезжают, нормально уживаемся»* (№9, рус., жен., 31 г., село РТ). Русскими сельчанами подчеркивалось знание языка татар: *«Я могу говорить на татарском, как и другом – на русском, например. Песни на татарском могу петь. Стариков не особо понимаю, у них свой говор. А так более менее понимаю»* (№7, рус., муж., 23 г., село РТ).

Отмечалась региональная специфика Татарстана, где не акцентируются межэтнические различия в отличие от других регионов России: *«... мы в прошлом году на сборах были под Нижним Новгородом. Там сугубо русские офицеры все. И когда при них начинали говорить по-татарски, они там заставляли либо бегать километр за каждое татарское слово, либо отжиматься. Сказали: «Вы у себя в деревне разговаривать по-татарски, а у нас будете разговаривать по-русски». Их отучили в итоге»* (№3, муж., рус., 23 г., Казань). Сельчане подчеркивали гармоничный межэтнический климат: *«От того, что мы живем в Татарстане, у нас нет такого разброса. Все равно нам. Один год было такое, что у нас переехали из Узбекистана беженцы и к одной семье приехали молиться. Эти паломники начали ходить по квартирам, где живут, например, муж татарин, а жена русская. И осуждали. Все русские татары потом сплотились и выгнали их. Чтобы не было раздора»* (№9, рус., жен., 52 г., село РТ).

Гетеростереотипы о татарах также сопоставимы с их автостереотипами. Так среди положительных стереотипов были названы: отзывчивость, дружелюбие, трудолюбие: *«Татары в моей жизни – дружные, веселые, отзывчивые»* (№9, рус., жен., 31 г., село РТ); *«Татары... помогают друг другу. Надо им дом построить, соберутся»* (№10, рус., муж., 62 г., село РТ). Характеризуя татар, русские сел РТ чаще всего называли такое качество, как «сплоченность» на основе личных наблюдений или опыта совместного проживания: *«Я бы сказал, что нет у нас такой сплоченности. Если взять татар – они дружнее»* (№7, рус., муж., 23 г., село РТ).

Особо русскими сельчанами отмечалась семейственность, родственность татар. При этом это качество связывается с традиционной культурой татар, религиозностью: *«Чтут, мне кажется, больше... Больше каких-то традиций... больше с религией пересекается, тесно связано. ... И от этих религий уже вытекают семейные отношения, опять же сплоченность: из одного в другое»* (№8, рус., жен., 22 г., село РТ).

Среди *негативных гетеростереотипов* были названы: хитрость, привычка громко говорить, родственный протекционизм; суетливость, стремление быть первым, «засветиться» во что бы то ни стало: *«Эмоциональность и желание достигнуть всегда очень высокого, очень качественного результата. И именно вот такие итоговые планки иногда очень часто приводит к суете, к спешке, к зависти. Если эти эмоции присутствуют, они в такой же сильной форме выражены, как и смех, и радость»* (№4, рус., жен., 25 л., Казань). Лишь одна из информантов высказала мнение, что татары по уровню интеллекта ниже, чем русские. Следует отметить, что среди информантов-горожан часть стереотипов основывалась на исторических событиях: для татар – кочевой период истории, Золотая Орда, бывшая государственность. Для русских – войны, как катализатор сплоченности, единения всех россиян. Характерно, что приводя эти примеры, русские информанты не подразделяли население России на народы: все жители страны объявлялось «русскими».

Говоря о межэтническом взаимодействии, и горожане, и сельчане подчеркивали неактуальность этнического разделения в Татарстане: *«У меня не возникает такого – если рядом со мной говорить на татарском – я уже привык к этому, все же в Татарстане живем»* (№3, муж., рус., 23 г., Казань). Сельчане подчеркивали гармоничный межэтнический климат: *«Общаются, сейчас ведь нация это не так важно, у нас, в Татарстане особенно, как сказать – не отличающий фактор»* (№3, тат., муж., 43 г., село РТ). При этом подчеркивалось отсутствие у татар чувства национального превосходства: *«...в Казахстане казахи себя так гордо: «Я казах», могут сказать, а у нас татары так никогда не выдвигаются, он никогда не пойдет: да, я там... Такого не будет, все равны»* (№2, тат., муж., 43 г., село РТ).

Выводы. Анализ нарративов показал, что представления информантов обеих этнических групп в большей степени согласованы. Большинство информантов не связывает различия с этническим происхождением, нацией, видя их природу в семейном воспитании и влиянии среды. Среди части информантов, выделявших те или иные характеристики своего народа и народа-соседа, следует отметить, что автостереотипы характеризуются равновесным положением положительных и отрицательных характеристик, не наблюдается свойств гиперэтничности и этноизоляционистских позиций. Негативные гетеростереотипы не носят сильной эмоциональной нагрузки, черт неприятия, враждебности.

Важно отметить высокую степень сопоставимости автостереотипов и гетеростереотипов каждой из этнических групп, основанных на личном опыте информантов. И русские, и татары, характеризуя русский народ, называли такие качества, как добродушие, простота, открытость, гостеприимство, сила русского духа, способность прийти на помощь, но только в особо критической ситуации и чаще за пределами России (когда россиян, независимо от их национальности обижают за границей), культура ухода за моги-

лами родственников. К числу негативных стереотипов и те и другие отнесли лень, безалаберность, неумение работать. Характеристики татарского народа включали такие качества, как гостеприимство, мобильность, деловитость, умение быстро найти с любым человеком общий язык, сплоченность, тягу к порядку, обустроенности, хозяйственность, семейственность, почитание старших. Среди негативных качеств были названы хитрость, родственный протекционизм, суетливость, стремление быть первым. Выявлена и объединяющая характеристика, подразумевающая схожесть черт и адаптированность этнических групп друг к другу. Так говоря о русских в Татарстане, русские информанты употребляли выражения: «татарские», «наши» (в значении «татарстанские»), что свидетельствует о восприятии татар в качестве культурно и социально близкой этнической группы. И татарами, и русскими в интервью отмечалась региональная специфика Татарстана – гармоничный межэтнический климат в республике, отсутствие этнического национализма и протекционизма у татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Ф. Введение / Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта, пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство. 2006. С. 9–49.
2. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Уч. пос. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
3. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
4. Солдатова Г.У. Психологическое исследование этнической идентичности в условиях межэтнической напряженности // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М: ИЭА РАН, 1994. С. 62–88.
5. Солдатова Г.У. Психологический потенциал сдерживания межэтнической напряженности в республиках России // Суверенитет и этническое самосознание: идеология практика. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 282–299.
6. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
7. *Социальная идентичность и межгрупповые отношения*. URL.: https://studme.org/36499/psihologiya/sotsialnaya_identichnost_mezhgruppovye_otnosheniya (дата обращения 22.10.2018).
8. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: Мысль, 1999. 448 с.
9. *Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture difference*. Ed. By F. Barth. Universitetsforlaget (reprint 1982). 159 p.
10. Lippman W. Public Opinion. N.Y. Harcourt Brace, 1922. 298 p.
11. Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups // *Intergroup Behaviour*. Oxford, 1981. 387 p.

Сагитова Л.В. Этнические стереотипы в поле межкультурного взаимодействия. Кейс: Республика Татарстан

Сведения об авторе: Сагитова Лилия Варисовна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); liliya_sagitova@mail.ru

**ETHNIC STEREOTYPES IN THE FIELD
OF INTERCULTURAL INTERACTION.
CASE STUDY: REPUBLIC OF TATARSTAN**

L.V. Sagitova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
liliya_sagitova@mail.ru*

The article presents the results of the field ethno-sociological research conducted in Kazan and the villages of the Republic of Tatarstan in 2017–2018, as part of an inter-regional study of the process of identifying Tatars in the Project of the State Program “Preserving the National Identity of the Tatar People”. Ethnic stereotypes constituted one of the significant blocks of the research program due to their important role in the process of ethnic identification of an ethnic group. Tatars, being a mobile ethnic group, are widely settled throughout the territory of the Russian Federation and coexist with numerous peoples of the country. At the same time, the Russians, being the dominant group of the state, are associated with the Tatars political history and close ties of everyday life. Under the conditions of long-term close contact and cultural interaction between those ethnic groups, ideas and images of peoples about themselves and their neighboring people were formed. Ethnic stereotypes, despite their stability, change over time and largely depend on a) the political situation, which assigns to the ethnic groups either a system of "domination-subordination" or a system of equilibrium statuses; b) the realization of their interests that form the climate of coexistence of neighboring peoples. The content of ethnic stereotypes, the predominance of positive or negative stereotypes, the comparability or incompatibility of peoples' ideas about themselves and their neighboring people can serve as a sensitive indicator of the interethnic climate in the multicultural community of the Republic of Tatarstan.

Keywords: ethnic identity, identification process, ethnic stereotypes, autostereotypes, heterostereotypes, interethnic relations.

For citation: Sagitova L.V. Ethnic stereotypes in the field of intercultural interaction. Case Study: Republic of Tatarstan. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 2, pp. 275–288. DOI: 10.22378/he.2018-3-2.275-288

REFERENCES

1. Bart F. Vvedenie. Etnicheskie grupy i social'nye granicy. Social'naya organizaciya kul'turnykh razlichij. Sbornik statej [Introduction. Ethnic groups and social borders. Social organization of cultural differences]. Moscow, Novoye Publ. House, 2006. 200 p. (In Russian)
2. Lebedeva N.M. Vvedenie v etnicheskyj i kross-kul'turnyj psikhologijj [Introduction to ethnic and cross-cultural psychologies]. Moscow: Klyuch-C Publ., 1999. 224 p. (In Russian)
3. Lippman W. Obshestvennoe mnenie [Public Opinion]. Transl. from English T.V. Barchunovoj. Ed, K.A. Levinson, K.V. Petrenko. Moscow, Public Opinion Fund Institute Publ., 2004. 384 p. (In Russian)
4. Soldatova G.U. Psikhologicheskoe issledovanie etnicheskoy identichnosti v usloviyakh mezhetnicheskoy napryazhennosti [Psychological research of ethnic identity in conditions of inter-ethnic tension]. Nacional'noe samosoznanie i nacionalizm v Rossijskoj Federacii nachala 1990-kh godov [National self-image and nationalism in the Russian Federation in the 1990s]. Moscow, IEA RAS Publ., 1994, pp. 62–88. (In Russian)
5. Soldatova G.U. Psikhologicheskij potencial sderzhivaniya napryazhennosti v respublikakh Rossii [Psychological potential of restraining tension in republics of Russia]. Suverenitet i etnicheskoe samosoznanie: ideologii i praktika [Sovereignty and ethnic self-image: ideologies and practices]. Moscow, IEA RAS Publ., 1995, pp. 282–299. (In Russian)
6. Soldatova G.U. Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti [Psychology of inter-ethnic focus]. Moscow: Smysl Publ., 1998. 389 p. (In Russian)
7. Social'naya identichnost' i mezhrupponnye otnosheniya [Social identity and inter-group relations]. Available in: https://studme.org/36499/psihologiya/sotsialnaya_identichnost_mezhrupponnye_otnosheniya (accessed 22.10.2018). (In Russian)
8. Shikhirev P.N. Sovremennaya social'naya psikhologiya. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 448 p. (In Russian)
9. Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture difference. Ed. by F. Barth. Universitetsforlaget (reprint 1982). 159 p. (In English)
10. Lippman W. Public Opinion. N.Y. Harcourt Brace, 1922. 298 p. (In English)
11. Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups. Intergroup Behaviour. Oxford, 1981. 387 p. (In English)

About the author: Liliya V. Sagitova is a Candidate of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); liliya_sagitova@mail.ru